

Научная статья
УДК 327

EDN: ITIFDK

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ И СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Янь ЛИНЬЛИНЬ

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия
linyan@kpfu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>

Аннотация. Цель статьи – анализ эволюции внешней политики и стратегических интересов России, Китая и США в Центральной Азии с 1991 г. и оценка ее влияния на страны региона.

Методология исследования основана на системном подходе и сравнительном анализе, что включает изучение исторических фактов, официальных документов, международных соглашений и экономических показателей с целью выявления основных тенденций, инструментов и мотивов политики крупнейших держав в политической сфере, а также в области военной безопасности, экономики и дипломатии.

Результаты исследования подтверждают, что государства Центральной Азии придерживаются многосторонней дипломатической стратегии, направленной на максимальное укрепление суверенитета и национальных интересов в условиях конкуренции великих держав. Россия усиливает свои позиции в регионе через институты Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и многостороннего сотрудничества. Китай использует инициативу «Пояс и путь» и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), уделяя особое внимание энергетической безопасности и транзитным коридорам. США ориентированы на противодействие терроризму и распространение демократических ценностей, добиваясь геополитического многообразия в регионе посредством инициатив Большая Центральная Азия, Новый Шелковый путь и формата C5 + 1.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Китай, США, геополитика, конкуренция великих держав, многосторонняя дипломатия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Янь Линьлинь. Геополитические игры и соперничество великих держав в постсоветской Центральной Азии // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 4. С. 34–46. EDN: ITIFDK

© Янь Линьлинь, 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

GEOPOLITICAL GAMES AND GREAT POWER RIVALRY IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA

Yan Linlin

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
linyan@kpfu.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>

Abstract. The purpose of this article is to analyze the evolution of foreign policy and strategic interests of Russia, China and the United States in Central Asia since 1991 and assess its impact on the countries of the region.

The research methodology is based on a systems approach and comparative analysis, including the study of historical events, official documents, international agreements and economic indicators, in order to identify the main trends, instruments and motives of the policies of the major powers in the political sphere, military security, economics and diplomacy.

The results of the study show that the Central Asian states adhere to a multilateral diplomatic strategy aimed at maximizing sovereignty and national interests in the context of great power competition. Russia seeks to maintain its traditional dominance through the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Eurasian Economic Union (EAEU) and institutional cooperation. China is leveraging the Belt and Road Initiative and the Shanghai Cooperation Organization to expand its economic reach and strengthen its security role, placing special emphasis on energy stability and transportation routes. The United States focuses on countering terrorism and spreading democratic values, seeking geopolitical diversity in the region through the Greater Central Asia Strategy, the New Silk Road, and the C5+1 mechanism.

Keywords: Central Asia, Russia, China, USA, geopolitics, great power competition, multilateral diplomacy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Yan Linlin. Geopolitical Games and Great Power Rivalry in Post-Soviet Central Asia // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25, № 4. P. 34–46. EDN: ITIFDK

Введение. Центральная Азия имеет не только выгодное геостратегическое положение, но и богата разнообразными природными ресурсами. После распада СССР в 1991 г. пять среднеазиатских республик, получив национальную независимость, приступили к решению задач государственного строительства. В условиях сложной геополитической обстановки и значительной внешней зависимости они скоро превратились в арену конкуренции мировых держав. Россия, Китай и США как ключевые внешние игроки в Центральной Азии оказались вовлечены в долгосрочную и сложную игру по вопросам сотрудничества в сфере безопасности, развития энергетики, транспортных каналов и политического влияния, что оказало глубокое влияние на модель безопасности и траекторию развития стран Центральной Азии.

Политика России в Центральной Азии. Многовековые отношения между Россией и народами Центральной Азии в настоящее время охватывают широкий спектр сфер, включая экономику, торговлю, политику и культуру [1, с. 107]. Однако после распада Советского Союза доминирование России в Центральной Азии снизилось. В значительной степени это обусловлено низкой внешнеполитической активностью страны, перегруженной множеством внутренних противоречий и социально-экономической нестабильностью [2]. В 1990-е годы Россия сосредоточилась главным образом на развитии отношений со странами Запада, и в геополитическом плане фактически отстранилась от республик Центральной Азии. Столкнувшись с внутренними социально-политическими и экономическими трудностями, страны региона оказались под воздействием внешних геополитических игроков [3, с. 11].

С декабря 1991 по сентябрь 1995 г. Россия находилась на этапе «сбрасывания» экономического бремени на Центральную Азию и стремилась создать военную систему коллективной безопасности [4, с. 49]. В течение 1992—1993 гг. Российской Федерацией были заключены соглашения о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией, а также договор о дружбе и сотрудничестве с Туркменистаном. Данные соглашения образовали юридическую базу новых двусторонних взаимоотношений между Россией и государствами Центральной Азии и служат фундаментом для восстановления и дальнейшего развития этих отношений.

С целью предотвращения установления влияния других сил над регионом Россия постепенно скорректировала свою политику в отношении стран Центральной Азии в сторону дружественного взаимодействия. В апреле 1993 г. Б.Н. Ельцин подписал Концепцию внешней политики

Российской Федерации, где подчеркивалась важность укрепления отношений со странами СНГ, включая страны Центральной Азии, и намечался курс на «установление новых, равноправных и взаимовыгодных отношений с государствами — участниками СНГ и другими соседними странами», а также сохранение и развитие единого экономического пространства бывшего Советского Союза [5].

В мае 1992 г. в Таджикистане началась гражданская война, в ходе которой правительственные войска и исламские фундаменталистские партии боролись за власть, что побудило Россию усилить бдительность. Россия активно содействовала подписанию Договора о коллективной безопасности СНГ с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном и Арменией [6]. В январе 1994 г. НАТО приступило к реализации программы «Партнерство ради мира», постепенно строя планы расширения на Восток. В ответ Россия в сентябре 1995 г. опубликовала официальный документ «Стратегические направления Российской Федерации в отношении стран СНГ», в котором предлагалось создать военно-оборонительный союз на основе Договора о коллективной безопасности, экономическую интеграционную платформу на основе Таможенного союза и политическую — на основе СНГ. На этом стратегирование во внешней политике России в отношении стран СНГ было в основном завершено [7]. К значительным успехам этого периода следует отнести дипломатическое признание государств региона в качестве самостоятельных субъектов международных отношений, а также подписание соглашения о создании СНГ [8]. Еще одним важным достижением явилось формирование единого оборонного пространства через заключение Договора о коллективной безопасности [9].

В марте 1996 г. в Таможенный союз вступил Кыргызстан, а Россия, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан совместно заключили Договор о расширении сотрудничества в экономической и гуманитарной сферах [10]; 26 февраля 1999 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан заключили Соглашение о Таможенном союзе (ТС) и Едином экономическом пространстве (ЕЭП). По условиям данного Договора, государства-члены должны не только создать таможенный союз, но и сформировать единое экономическое пространство, внедрить единую налоговую и торговую политику, а также способствовать беспрепятственному перемещению товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В октябре 2000 г. Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали соглашение о трансформации Таможенного союза в Евразийское экономическое сообщество [11].

11 сентября 2001 г. террористические акты стали не только пере-

ломным моментом в формировании внешнеполитической стратегии США, но и привели к дальнейшей реориентации внешней политики России в регионе Центральной Азии. В рамках антитеррористической операции в Афганистане, при одобрении российской стороны, США и их союзники по НАТО впервые в период независимости государства Центральной Азии получили возможность формирования военного присутствия в данном регионе. Именно это обстоятельство послужило отправной точкой для укрепления западного влияния, что выразилось в реализации успешного сценария «цветной революции» в Киргизской Республике в 2005 г., а также по крайней мере в двух неудачных попытках государственных переворотов в Казахстане и Узбекистане [2].

С целью противостояния проникновению западных стран и сохранения своего политического влияния в Центральной Азии Россия активно способствовала дальнейшей институционализации Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Постепенное усиление ее влияния на страны региона происходило также в ходе вывода западных войск, что было достигнуто к 2011 г. [2]. Особенно возросло влияние России в Центральной Азии в энергетической сфере.

В 2014 г. Россия, Казахстан и Беларусь основали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), к которому позднее присоединились Киргизия и Армения [2], что составило значительный прогресс в евразийской интеграции [12, с. 172]. По официальным данным, в 2019 г. торговый оборот между Россией и странами Центральной Азии составил 20,5 млрд долларов, при этом наибольший объем приходился на Казахстан (более 14 млрд) и Узбекистан (свыше 3,5 млрд) [1]. Россия подписала с этими странами более девятисот двусторонних международных соглашений, из которых 70% касаются экономики [13].

После начала российско-украинского конфликта Россия стремится расширить свое дипломатическое влияние в Центральной Азии и сохранить взаимовыгодные традиционные отношения. Президент России В.В. Путин совершил несколько дружественных визитов в страны Центральной Азии и подписал ряд соглашений об углублении сотрудничества. 28 июня 2022 г. в процессе посещения Таджикистана президенты двух стран сосредоточились на обсуждении вопросов безопасности границ, провели диалог по ситуации в Афганистане, а также проблемам двустороннего сотрудничества в сферах торговли, экономики, военнотехнических отношений, культуры, иммиграции и т.д. [14].

Таким образом, Россия продемонстрировала, что она по-прежнему имеет особый статус в этом регионе, содействует развитию ЕАЭС

и проведению многосторонних диалогов со странами Центральной Азии.

Политика Китая в Центральной Азии. Китай является важным геополитическим игроком, влияющим на отношения России со странами Центральной Азии, которые граничат с регионом Синьцзян, с 1990-х годов привлекающим особое внимание в силу необходимости обеспечения безопасности и защиты северо-западных границ, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района [15].

После распада СССР Китай начал устанавливать дипломатические отношения с пятью странами Центральной Азии в сферах урегулирования пограничных вопросов, совместного поддержания безопасности границ, экономического и торгового сотрудничества [16]. Предшественником Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стал механизм встреч «Шанхайской пятерки» (Ш — 5), созданный в 1996 г. главами государств Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, что явилось важным поворотным пунктом в развитии отношений между Китаем и странами Центральной Азии. Однако Китай делает упор на стратегическое сотрудничество с Россией по широкому кругу международных вопросов и воспринимает Центральную Азию как сферу влияния России, поэтому в ходе взаимодействия с центральноазиатскими странами ему не удалось выстроить более тесные отношения [4].

С 1997 г. экономики пяти стран Центральной Азии начали восстанавливаться, их политическая ситуация становилась все более стабильной. В то же время быстрое экономическое развитие Китая привело к существенному росту спроса на энергоносители, а противоречие между внутренним спросом и предложением нефти и природного газа только усилилось. Помимо укрепления сотрудничества со странами Центральной Азии в политической сфере и сфере безопасности, Китай начал расширять энергетическое сотрудничество. В 1997 г. состоялось подписание договора о поставках нефти и газа с Казахстаном, что значительно укрепило сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в энергетической сфере, консолидируя и развивая взаимодействие в рамках механизма «Шанхайской пятерки» [16].

В июне 2001 г. была создана ШОС, но последовавший за этим инцидент 9.11, когда США и другие западные страны начали размещать войска в Центральной Азии для борьбы с терроризмом, привело к усилению влияния стран Запада в регионе и к геополитической конкуренции в сфере энергетики во главе с США и Россией, что, в свою очередь, усложнило отношения стран Центральной Азии и Китая. До 2006 г.

ШОС оставалась фактически единственной основной переговорной площадкой для взаимодействия КНР и большинства стран Центральной Азии [15]. В целях противодействия угрозам безопасности ШОС стала важной силой в борьбе с экстремизмом в регионе, что повысило уровень политического диалога и доверия между государствами-членами, укрепило механизмы сотрудничества в области безопасности, способствовала принятию ряда мер по расширению обмена разведданными, совместному управлению границами и контртеррористическим военным учениям.

К концу первого десятилетия XXI в. Китай превратился в одного из ключевых торгово-экономических партнеров государств Центральной Азии [15]. После провозглашения в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» взаимодействие между Китаем и странами региона значительно расширилось и перешло на качественно новый уровень. Китай начал проводить более активную внешнюю политику в отношении соседних стран и открыл новую главу в отношениях со странами Центральной Азии. «Экономический пояс Шелкового пути» совместим со стратегиями развития стран Центральной Азии, например, новой экономической политикой Казахстана «Светлый путь». Опираясь на собственные преимущества, такие как энергоносители, сырье, транспортные узлы и торговые каналы, страны Центральной Азии выдвинули среднесрочные и долгосрочные цели экономического развития и стремятся к иностранным инвестициям и финансовой поддержке, что совпадает с инициативой Китая.

В июле 2020 г. Китай и страны Центральной Азии ввели в практику формат «Китай + пять стран Центральной Азии», что означало новый этап сотрудничества. Этот механизм призван содействовать эффективному продвижению инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в регионе. В декабре 2024 г. железная дорога Китай — Кыргызстан — Узбекистан, строительство которой долгие годы откладывалось, совершила прорыв и вышла на стадию содержательной реализации. В Джалал-Абаде (Кыргызстан) состоялась церемония запуска ее проекта, официальное начало строительства которого запланировано на июль 2025 г., а срок строительства составит шесть лет. Данный проект является знаковым в рамках формата «Один пояс, один путь», продвигаемым главами государств Китая, Кыргызстана и Узбекистана, и представляет собой стратегический проект по обеспечению сообщения между Китаем и Центральной Азией. Завершение строительства этой железной дороги не только поможет улучшить общую транспортную сеть Евразийского континента и изменить схему перевозок Китая и Центральной Азии, но и будет способствовать продвижению инициа-

тивы «Один пояс, один путь» и формированию новой модели развития Синьцзяну.

В целом дипломатическая политика Китая в отношении Центральной Азии больше направлена на создание структуры энергетической безопасности страны в экономической сфере и открытие транспортной линии Китай — Центральная Азия — Европа для взаимодействия и совместного использования ресурсов стран вдоль этого маршрута. Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в области безопасности направлено на обеспечение стабильности на северо-западных рубежах и нейтрализацию угроз, связанных с «цветными революциями» и конфликтами, способными повлиять на экономические интересы КНР. Учитывая, что Пекин придерживается схожей с Москвой позиции относительно недопустимости вмешательства внешних акторов во внутренние дела региона, политика Китая, направленная на расширение сотрудничества с государствами Центральной Азии в области правоохранительной деятельности и военной подготовки, в значительной степени совпадает с интересами Российской Федерации [15].

Политика США в Центральной Азии. США как важный внешний актор также влияет на отношения России со странами Центральной Азии. После обретения ими независимости США одними из первых установили дипломатические отношения с регионом и стали здесь влиятельным игроком.

После распада Советского Союза на территории Казахстана осталась значительная часть ядерного оружия, в том числе 104 самые современные и эффективные на тот момент межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования СС-18 и 1040 ядерных боеголовок, специально сконфигурированных для них. США, полные решимости не допустить появления новых стран, обладающих ядерным оружием, проводили политику, направленную на укрепление политической независимости и содействие денуклеаризации в Центральной Азии [17, с. 208].

В 1997 г., после окончания гражданской войны в Таджикистане, наибольшую угрозу безопасности в регионе представляла террористическая деятельность «Исламского движения Узбекистана». США укрепляли сотрудничество со странами Центральной Азии в сфере борьбы с терроризмом, а также начали обращать внимание на нефтяные ресурсы Центральной Азии. В ноябре 1997 г. США и Казахстан подписали соглашение о разведке нефти. В 1998 г. совместное американо-казахстанское предприятие «Тенгиз Шеврон» добыло 8,5 млн тонн нефти,

что составило 30% от общего объема добычи нефти в Казахстане [17, с. 139–140].

События 11 сентября 2001 г. стали поворотным пунктом во внешней политике США в целом и в Центральной Азии в частности, которая превратилась в ключевой регион в новой стратегии национальной безопасности США. Под предлогом борьбы с терроризмом американские военные направили войска в Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан и получили право использовать воздушное пространство стран Центральной Азии. Борясь с терроризмом, США уделяли большое внимание процессу демократизации в Центральной Азии, а в 2005 г. начали проводить «цветные революции» в Центральной Азии, пытаясь с помощью перемен в политической сфере более радикально изменить геополитический расклад в Центральной Азии [18, с. 49]. С этого момента двусторонние отношения между США и странами Центральной Азии резко охладели, и США постепенно сократили свое участие в вопросах демократизации стран данного региона. В 2005 г., чтобы изменить негативное отношение со стороны государств Центральной Азии, США предложили план «Большая Центральная Азия», в соответствии с которым Центральная Азия и Южная Азия рассматривались как геополитический блок с центром в Афганистане и сотрудничество в экономике, безопасности, энергетике и других областях, что способствовало интеграции пяти стран Центральной Азии с Южной Азией. Из-за высоких рисков безопасности страны Центральной Азии, как правило, не особенно заинтересованы в строительстве нефтепроводов на юг. Кроме того, слабое развитие Афганистана не способствовало полной реализации этой стратегии, в результате план «Большая Центральная Азия» закончился провалом.

В 2011 г. США предложили стратегию «Новый шелковый путь», ориентированную на укрепление связей Центральной и Южной Азии и продвижение интеграционных процессов с участием стран Центральной Азии, Южной Азии и Афганистана с целью усиления американского присутствия и влияния в регионе [19]. В октябре — ноябре 2015 г. госсекретарь США Джон Керри совершил визит во все пять государств Центральной Азии и организовал в Самарканде (Узбекистан) встречу глав внешнеполитических ведомств шести стран, что ознаменовало официальное оформление формата диалога США с Центральной Азией — «C5 + 1».

Поскольку сдерживание Китая и России становится одной из доминирующих целей курса внешней политики США, стратегическая значимость Центральной Азии для США значительно возросла. США

используют региональные державы в качестве опоры для ведения дипломатии в Центральной Азии и сохранения своего существенного влияния в Центральной Азии. 15 августа 2021 г. американские военные спешно вывели войска из Афганистана. Ситуация в Центральной Азии претерпела серьезные изменения, и в политике США в отношении Центральной Азии обозначились две основные тенденции: стратегический фокус «отступления с целью наступления» и стратегическая цель «нацеливания на Китай и Россию» [20]. После начала украинского конфликта в 2022 г. госсекретарь США Э. Блинкен на встрече министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии в формате «С5 + 1» предложил восстановить американские военные или транзитные базы в регионе, подчеркнув стремление США вернуть свое присутствие и сохранить влияние в Центральной Азии посредством размещения там войск [18, с. 50].

Активизация США дипломатического влияния на страны Центральной Азии в целом направлена на ослабление влияния и доминирующего положения России в регионе. Однако продвижение США западных ценностей в Центральной Азии и эскалация «цветных революций» вопреки национальным устоям азиатских стран способствуют сближению стран Центральной Азии и России, которая получила возможность восстановить здесь прежнее влияние.

Заключение. Системный анализ политики России, Китая и США в отношении Центральной Азии свидетельствует о том, что Россия как страна, имеющая важное историческое значение для Центральной Азии, продолжает играть доминирующую роль в сфере безопасности, экономики и культуры. Однако государства Центральной Азии приняли определенную стратегию сдержек и противовесов в сотрудничестве с Российской Федерацией. Центральноазиатские государства стремятся сохранять определенную дистанцию с Россией, занимая позицию нейтралитета [21].

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» экономическое воздействие Китая на страны Центральной Азии существенно усилилось, особенно в строительстве инфраструктуры и энергетическом сотрудничестве. Однако, укрепляя сотрудничество с Китаем, страны Центральной Азии также опасаются рисков, которые могут возникнуть из-за чрезмерной экономической зависимости. Например, в Казахстане возникло общественное противодействие китайским инвестициям [22], что побудило правительство быть более осторожным при одобрении проектов сотрудничества с Китаем. Кроме того, несмотря на то что Туркменистан является одним из основных

поставщиков импорта природного газа в Китай, он по-прежнему ищет другие рынки экспорта, чтобы снизить свою зависимость от одного поставщика.

Влияние США в Центральной Азии за последние годы снизилось, но они все еще пытаются сохранить определенное присутствие посредством дипломатии, инвестиций и пропаганды демократического управления. Предложенный США механизм «С5 + 1» направлен на укрепление сотрудничества со странами Центральной Азии. Однако по сравнению с Россией и Китаем влияние западных держав в Центральной Азии по-прежнему сталкивается со многими ограничениями, особенно в сфере безопасности, где сложно предоставить военные гарантии российского образца или соответствовать масштабам китайских инвестиций в экономическом плане.

Страны Центральной Азии придерживаются гибкой стратегии «сбалансированной дипломатии» в контексте великодержавной игры, стремясь достичь стратегической автономии между защитой государственного суверенитета, приобретением ресурсов для развития и защитой среды безопасности. Таким образом, будущее геополитического ландшафта Центральной Азии зависит от того, как будет развиваться конкурентная игра между внешними силами и стремлением самих центральноазиатских государств к институциональной устойчивости и стратегическому балансу в условиях высокой неопределенности архитектуры международных отношений.

Список источников

1. *Малышева Д.Б.* Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 7. С. 106–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-106-115. EDN: YAUJWV.
2. *Притчин С.А.* «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 6. С. 112–123. DOI:10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. EDN: PFTDIV.
3. *Чуфрин Г.* Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // *Россия и новые государства Евразии*. 2018. № 1 (38). С. 9–22. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-1-9-22. EDN: YXOUWH.
4. *Лю Фэнхуа.* Россия и Центральная Азия: исследование субрегиональной интеграции в СНГ [柳丰华: 《俄罗斯与中亚—独联体次地区—体化研究》]. М.: Экономика и управление, 2010.
5. Как менялась Концепция внешней политики России // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/info/17418381?ysclid=m8twhrz46u904990703>
6. Россия и Организация Договора о коллективной безопасности // Министерство иностранных дел РФ. 2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/odkb/1684432/

7. Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств // Министерство иностранных дел РФ. 2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1695744/
8. *Макиндер Х.* Географическая ось истории // Классика геополитики XX век. М.: АСТ, 2003. С. 7–31.
9. *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX в. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1981. 248 с.
10. Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях // Законодательство СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3990 (дата обращения: 17.02.2025).
11. О ходе Евразийской экономической интеграции // Министерство иностранных дел РФ. 2015. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1581365/.
12. *Сунь Ли.* Доклад о развитии государств Центральной Азии / под ред. У Хун-вэй. 2015 (孙力、吴宏伟主编:《中亚国家发展报告(2015)》). Пекин: Изд-во «Литература общественных наук», 2015.
13. *Шестаков Е.* Деньги решают не все // Российская газета. 2020. 19 февр.. URL: <https://rg.ru/authors/Evgenij-Shestakov>
14. Встреча с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном // Президент России. 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68724>
15. *Перминова А.* Эволюция политики КНР по взаимодействию со странами Центральной Азии в сфере безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 1. С. 48–61. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-48-61. EDN: NIYKNK.
16. *Ли Хунцян, Ван Лимао.* Эволюция геополитической структуры энергетики Центральной Азии: изменения китайского влияния, последствия и меры (李红强、王礼茂. 中亚能源地缘政治格局演进: 中国力量的变化、影响与对策) // Наука о ресурсах. 2009. Т. 31, № 10. С. 1647–1653.
17. *Токаев К.-Ж.* Казахстан: от Центральной Азии к миру (哈]卡·托卡耶夫:《哈萨克斯坦: 从中亚到世界》) / пер. с каз. С. Наресова. Пекин: Изд-во «Синьхуа», 2001. 208 с.
18. *Ху Фэнхуа.* Политика России в Центральной Азии после распада СССР: автореф. дис. ... д-ра ист. наук [胡凤华:《苏联解体以来俄罗斯对中亚政策研究》]. Университет Китайской академии общественных наук, 2023. DOI: 10.27642/d.cnki.gskuu.2023.000032.
19. *Ху Дэжун, Цянь Юмин.* Эволюция политики США в Центральной Азии после окончания холодной войны (胡德坤、钱宇明:《冷战结束后美国中亚政策的演变》) // Журнал Хубэйского университета (Философия и социальные науки). 2018. № 6.
20. *Цзэн Сянхун.* Корректировка политики США в Центральной Азии в свете вывода войск из Афганистана (曾向红. 从撤军阿富汗看美国中亚政策的调整) // Современный мир. 2021. № 9. С. 46–51.
21. *Цзэн Сянхун, Хань Яньсюн.* Новые тенденции в корректировке внешней политики пяти стран Центральной Азии и их влияние (曾向红, 韩彦雄. 中亚五国外交政策调

整新动向及其影响) // Синьцзянские социальные науки. 2023. № 2. С. 73–82. DOI: 10.20003/j.cnki.xjshkx.2023.02.008.

22. Харсеева А.В. Ретроспективный анализ протестной активности в Республике Казахстан // Власть. 2022. Т. 30, № 4. С. 165–170. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9145. EDN: PTOWDX

Сведения об авторе

Янь Линьлинь,
аспирант кафедры международных
отношений,
мировой политики
и дипломатии
Казанского (Приволжского)
федерального университета
Казань, Россия
linyan@kpfu.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>

Статья поступила в редакцию
11.05.2025

Одобрена после рецензирования
06.06.2025

Принята к публикации
20.07.2025

The author

Yan Linlin,
postgraduate student
at the International Relations,
World Politics and Diplomacy
Department,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
linyan@kpfu.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>

The article was submitted
11.05.2025

Approved after reviewing
06.06.2025

Accepted for publication
20.07.2025